

Ем Н.^{1*}, Мионг Сун Ок, Чан Бенг Сун

¹кандидат исторических наук, зав.кафедрой Дальнего Востока,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: Natalya.Yem@kaznu.kz

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРЕЙЦЕВ
В ЯПОНИИ И СТРАНАХ СНГ**

Корейская зарубежная диаспора представлена во многих странах мира. Изучение корейской диаспоры в Японии остается одним из наименее исследованных на постсоветском пространстве. Корейцы Японии доминируют среди этнических меньшинств принимающего общества. По данным переписи населения, в 2000 году в Японии числилось 528 904 корейца. Корейская диаспора составила самую большую группу после китайской, бразильской и филиппинской. Корейцы стран СНГ (общая численность 500 тысяч) включают корейские диаспоры, в том числе с наибольшей численностью: в Узбекистане – 198 тысяч, России – 125 тысяч, Казахстане – 105 тысяч человек.

Предметом рассмотрения является уровень сохранения этнической идентичности корейцев в Японии и странах СНГ. Предполагается, что на сохранение этнической идентичности влияют факторы социальной мобильности на примере корейской диаспоры в Японии и странах СНГ.

Данное исследование ставит целью изучение и сравнение проблем и особенностей адаптации и интеграции этнических корейцев в принимающем обществе на примере Японии и СНГ. В корейском обществе появляется "новая гибридная идентичность", когда приверженность к принадлежности этноса характеризуется как идентичность по крови и идентичность по месту проживания. Не последнюю роль в этом играет уровень образования и социальный статус корейцев. Чем выше эти составляющие, тем выше и равномернее любовь к "отцу и матери" как к "идентичности к корейскому этносу и к этносу принимающего общества".

Ключевые слова: корейцы, социальная мобильность, СНГ, Япония.

Yem N.¹, Miong Sun Ok, Chan Beng Sun

¹Candidate of Science, Head of Department of Far East Studies,
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Akmaty,
e-mail: Natalya.Yem@kaznu.kz

**Social mobility as a factor of maintaining of the ethnic identity:
the comparative analysis of koreans in Japan and CIS countries**

Korean international diaspora is presented in many countries of the world. The study of Korean diaspora in Japan remains one of the less researched issue in Post soviet realm. The object of the research is Koran diaspora in Japan as in monoethnic country and in countries of the former Soviet Union as on poly-ethnic society. Japan originally is monoethnic country. The notion of the monoethnicity is very stable and the comprehension of this is rooted in the perception of the social scientists on the level of the myth. Insimilar vein, more than 600000 Koreans reside in Japan as «invisible minority». The history of appearance of the Korean diaspora in Japanese archipelago began from Korea becoming a colony of Japan. The ethnic variety in former Soviet Union amount for more than one hundred nationalities and history of settling is connected to deportation.Koreans of Japan dominate among minorities of the accepting society.According the population census in 2000 there were 528904 Koreans in Japan. Korean diaspora amount the biggest group after Chinese, Brazilian and Pilipino. Koreans of CIS (the total number

is 500000) includes Korean Diasporas, with the major number in Uzbekistan 198000, Russia 125000, and Kazakhstan 105000.

The subject of the consideration is the level of maintaining of the ethnic identity of Koreans in Japan and in countries of CIS. It is supposed that maintaining of the ethnic identity influence the factors of the social mobility as in example of the level of the education, socio-economic status and level of naturalization of Koreans in Japan(as in intermarriage example). The purpose of the research is the showing the factors that influence the maintaining of the ethnic identity in foreign environment taking Korean diaspora in Japan as example.

The purpose of the research is study and comparison of the problems and peculiarities of the adaptation and integration of the ethnic Koreans in accepting society to take Japan and CIS as an example. In Korean society there is «new hybrid identity» when the relation to ethnos is characterized as identity as blood lineage and identity of residence. Not the last role-plays the level of the education and social status of Koreans. The higher the constituents the higher and equal the love to «mother and father» as to «identity of Korean ethnos and ethnos of accepting society.»

Key words: Koreans, social mobility, CIS, Japan

Ем Н.^{1*}, Мионг Сун Ок, Чан Бенг Сун

¹тарих ғылымының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қиыр Шығыс кафедрасының меңгерушісі, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: Natalya.Yem@kaznu.kz

**Этникалық болмысты сақтаудағы әлеуметтік ұтқырлық факторы:
Жапония мен ТМД елдеріндегі корейлерге салыстырмалы талдау**

Корей диаспорасы әлемнің көптеген елінде бар. Жапониядағы корей диаспорасын зерттеу посткеңестің кеңістігіндегі аз зерттелгендердің бірі. Зерттеу объектісі моноэтникалық ел Жапониядағы және көпэтникалық мемлекет Кеңес Одағындағы корей диаспорасы. Жапония о бастан-ақ моноэтникалық ел саналады. Жапониядағы моноэтникалық түсінігінің берік болғаны соншалық көптеген қоғамтанушылардың санасында мифтік тұрғыда бекіген. Сонымен бірге Жапонияда 600 000-ға жуық корейлер «көрінбейтін азшылық» ретінде өмір сүруде. Корей диаспорасының жапон архипелагінде пайда болуы Корей түбегіндегі Жапонияның отарлық үстемдігі кезінен қалыптасқан. Бұрынғы Кеңес Одағындағы этникалық түрлілігі 100-ге таяу ұлттардан құралған. Олардың көпшілігінің тарихы депортациямен байланысты. Жапонияның корейлері қабылдаушы қоғамдағы этникалық азшылықтың ішінде алдыңғы орында тұр. 2000 ж. Жапониядағы халық санағы бойынша корейлердің саны – 528 904. Корей диаспорасы қытайлықтар, бразилиялықтар, филиппиндіктерден кейінгі орында тұрған үлкен топты құрайды. ТМД елдеріндегі корейлердің (жалпы саны 500 мың) ең үлкен шоғырын Өзбекстанда 198 мың, Ресейде 125 мың, Қазақстанда 105 мың адамды құрайды.

Мақалада Жапония мен ТМД елдеріндегі корейлердің этникалық болмысының сақталу деңгейі қарастырылады. Жапония мен ТМД елдерін мысалға ала отырып, ондағы корей диаспорасының этникалық болмысын сақтауда әлеуметтік ұтқырлық факторы ықпал етеді деп ұйғарылады.

Осыған орай зерттеудің келесі міндеттері анықталады: Жапония мен ТМД елдеріндегі корейлердің әлеуметтік-демографиялық сипатын құрайтын нақты тарихи материалдарды жинау; деректер шеңберін ғылыми айналымға енгізу: мұрағат материалдары, статистикалық мәліметтер, мерзімді басылымдар, этноәлеуметтік зерттеулердің нәтижесі, академиялық публикациялар; этникалық болмысты сақтаудағы әлеуметтік ұтқырлықтың рөлі туралы негізгі көзқарастарды ашу.

Бұл зерттеу Жапония мен ТМД-ны мысалға ала отырып қабылдаушы қоғамда этникалық корейлердің үйренісуі мен интеграциясының мәселелері мен ерекшеліктерін зерттеу мен салыстыру мақсатын қояды. Корей қоғамында этностың болмысын анықтауда ұлттық қаны бойынша болмысы және тұрғылықты жері бойынша болмысы деп сипатталатын «жаңа гибридік болмыс» пайда болды. Бұған корейлердің білімі мен әлеуметтік статусының деңгейінің рөлі де әсер етеді. Ал бұлар жоғары болған сайын «әке мен шешеге де», корей этносының болмысы мен қабылдаушы қоғамға да махаббат теңдей болады.

Түйін сөздер: корейлер, әлеуметтік мобильділік, ТМД, Жапония.

Введение

Корейская зарубежная диаспора представлена во многих странах мира. Изучение корейской диаспоры в Японии остается одним из наименее исследованных на постсоветском пространстве. Объектом исследования является корейская диаспора в Японии как в моноэтнической стране, а также в странах бывшего Советского Союза как в полиэтничных государствах. Япония изначально считается моноэтнической страной. Понятие моноэтничности в Японии является настолько прочным, что утвердилось в сознании многих обществоведов на уровне мифа. Вместе с тем в Японии проживает более 600 000 корейцев как «невидимое меньшинство». История появления корейской диаспоры на Японском архипелаге складывалась с периода колониального превосходства Японии над Корейским полуостровом. Этническое многообразие проживания в странах бывшего Советского Союза насчитывает более ста национальностей, история появления многих из них связана с депортацией. Корейцы Японии доминируют среди этнических меньшинств принимающего общества. По данным переписи населения, в 2000 году в Японии числилось 528 904 корейца. Корейская диаспора составила самую большую группу после китайской, бразильской и филиппинской. Корейцы стран СНГ (общая численность 500 тысяч) включают корейские диаспоры, в том числе с наибольшей численностью в Узбекистане – 198 тысяч, России – 125 тысяч, Казахстане – 105 тысяч человек.

Предметом рассмотрения является уровень сохранения этнической идентичности корейцев в Японии и странах СНГ. Предполагается, что на сохранение этнической идентичности влияют факторы социальной мобильности на примере корейской диаспоры в Японии и странах СНГ.

Хронологический период исследования – 2000-е годы. В связи с этим определены следующие задачи исследования: собрать конкретно-исторический материал, основу которого составит социально-демографическая характеристика корейцев Японии и странах СНГ; ввести в научный оборот круг источников: архивные материалы, статистические данные, периодическую печать, результаты этносоциологических исследований, академические публикации; раскрыть основные точки зрения в изучении этнической идентичности, роли социальной мобильности в сохранении этнической идентичности.

Данное исследование ставит целью изучение и сравнение проблем и особенностей адаптации

и интеграции этнических корейцев в принимающем обществе на примере Японии и СНГ. В корейском обществе появляется «новая гибридная идентичность», когда приверженность к принадлежности этноса характеризуется как идентичность по крови и идентичность по месту проживания. Не последнюю роль в этом играют уровень образования и социальный статус корейцев. Чем выше эти составляющие, тем выше и равномернее любовь к «отцу и матери» как к «идентичности к корейскому этносу и к этносу принимающего общества».

В связи с этим, планируется изучить социально-демографические показатели корейского населения в Японии и странах СНГ, изучить правовые особенности статуса. Затем видится целесообразным изучить существующую систему этнического образования в принимающем обществе. Статистические сведения о социально-экономическом статусе корейцев в Японии и странах СНГ позволят выяснить, какие позиции занимают представители корейского этноса в обществе. Тестирование теории этнической идентичности и ассимиляции этнических корейцев в принимающих странах позволит создать ряд предложений для реализации национальной политики и программ правительства Японии и стран СНГ в современных условиях глобализации и мультикультурализма.

На взгляд автора, данная работа будет иметь значение:

- для академического исследования – составление специализированного курса об этнической идентичности зарубежных корейцев в Японии и странах СНГ, разработка силлабусов, конспекта лекций;

- для профессионального развития – проверка достоверности академической гипотезы о теории этнической идентичности, тестирование теории ассимиляции, апробация социологических анкет, подготовка научных рекомендаций для построения модели полиэтничного, поликультурного государства, общества, предложение новой теории о роли сохранения этнической идентичности в иноэтнической среде;

- для Японии и стран СНГ: создание банка социологических данных о состоянии социально-экономического статуса и социальной мобильности, а также этнического сознания корейцев Японии и стран СНГ; разработка специализированного курса по исторической демографии зарубежных корейцев в современной Японии, проблем адаптации в иноэтническом окружении; подготовка рекомендаций для пра-

вительств Японии и стран СНГ по формированию и проведению этнической политики в современных условиях глобализации; подготовка рекомендаций для формирования политики правительства Японии и стран СНГ в реализации политики адаптации и интеграции в современное мультикультурное общество.

Основная часть

Методологическую основу исследования составляют современные концептуальные подходы и общие методы научного познания, базирующиеся на принципах историзма, объективности. Это – наблюдение, сравнение, измерение, анализ и синтез. Наблюдение, сравнение историко-демографических факторов развития корейской диаспоры в изучаемых странах будет проделано на основе изменений в законодательно-правовой базе. Будет проведен анализ экономического статуса и удовлетворенности уровнем жизни этнических корейцев путем статистических данных, а также результатов социологических опросов и, по возможности, структурированных интервью этнических корейцев. При проведении анкетирования будет использоваться функционально-психологический метод контактных вопросов. Историко-генетический метод, который является аналитически индуктивным, а по форме выражения информации – описательным, будет использован в работе для выявления причинно-следственной связи изменений социального положения корейцев в Японии. Для исследования особенностей сохранения этнической идентичности автор будет рассматривать события в общественно-историческом развитии, для чего применит историко-типологический метод исследования. И, наконец, с помощью структурного подхода будет отслежена закономерность изменений в сохранении и поддержании этнической идентичности по отдельным характеристикам анкетных данных.

План научной активности. Первая часть исследования будет собрана по материалам корейской диаспоры Казахстана (тестирование теории ассимиляции этнических корейцев в странах бывшего Советского Союза). Всесторонний научный анализ динамики социально-экономического статуса этнических корейцев Японии будет основан на сборе и анализе материалов Статистического Агентства Японии. Отношения японцев в межличностной коммуникации с этническими корейцами планируется выявить

путем наблюдения, интервью, а также контент-анализа СМИ Японии.

Цель исследовательского проекта и метод распространения на выходе: публикация статьи на английском языке, а также научных статей в научных журналах Центральной Азии; участие в международных конференциях с докладом о результатах исследования; представление рекомендаций в правительственные и общественные организации Японии и стран СНГ путем презентации результатов исследования на заседаниях общественных организаций и международных научных семинаров; разработка специализированного курса с результатами исследования корейцев в указанных странах; апробация социологического исследования по вопросам адаптации этнических корейцев в указанных странах; публикация аналитического доклада, подготовка монографии.

В области исследований данный проект позволит расширить понимание специфики ассимиляции, межэтнического общения корейцев в Японии, социально-демографической ситуации, вопросов миграции и иностранного присутствия в Японии, глубже понять историю, культуру, японское общество в целом для преподавания истории, экономики, политики и культуры Японии в Казахстане. Дипломатические, социально-экономические и культурные связи между нашими странами расширяются, в Казахстан стремительно входит японский капитал, бизнесмены из Японии имеют интерес и общение, таким образом, расширяется. В рамках работы кафедры Дальнего Востока КазНУ им. аль-Фараби проект позволит углубить учебные планы на японском отделении, расширить профессиональные контакты между нашими университетами и помочь как Японии, так и странам бывшего СССР в понимании друг друга.

Социально-экономическое положение корейцев Японии

Историю пребывания корейцев в Японии освещали в своих работах многие авторы (Kwang-ku 2000, 260). Исследователи делят историю иммиграции корейцев в Японию в довоенный период на три основных этапа. Первый – начало массовой иммиграции, последовавшее с момента аннексии Кореи и завершившееся событиями, связанными с катастрофическим землетрясением 1923 года (Weiner, M., 1989. С. 248).

Второй этап – продолжение массового притока трудовых иммигрантов с 1924 г. до начала японской агрессии в Китае и объявления трудо-

вой мобилизации корейцев как в Корее, так и в Японии (Ryang, S. 2000, с. 32-54).

Третий, завершающий этап – насильственное привлечение корейских мужчин и женщин к трудовой, военной и прочей повинности с 1937 г. до капитуляции Японии во Второй мировой войне (Kashiwazaki, C. 2009, 121-146).

С началом японской аннексии Кореи в 1910 году многие корейцы мигрировали в Японию в поисках работы на японских шахтах и заводах. В частности, после отмены ограничений на поездки в 1922 году корейская эмиграция в Японию резко возросла. В колониальный период условия жизни для этих корейцев в Японии были полны трудностей. Прежде всего, отсутствие навыков, а также языковой барьер сделали практически невозможным для них получение желанной работы. Их, как правило, использовали в качестве дешевого ручного труда как наиболее эксплуатируемых и наименее защищенных на рынке труда. Здесь им и пришлось конкурировать с представителями низших слоев японской рабочей силы (Kim, B. 201, 233–245).

По причине традиционно аграрного образа жизни, в силу сильных предрассудков и дискриминации корейцы в Японии со времен колониального периода сталкивались с большими трудностями в социально-экономической адаптации и оставались среди маргинальных слоев населения города, неквалифицированной рабочей силы. В период с 1910 по 1945 годы 80% корейцев Японии занимались тяжелым ручным трудом, который не хотели выполнять японцы. Другим социальным слоем в такой дифференциации корейской диаспоры в начальный период явились корейцы, занимающиеся коммерческой деятельностью. В основном они торговали на улицах. Лишь 1% корейцев занимался интеллектуальным профессиональным трудом. Во всех социальных слоях средняя заработная плата значительно отличалась от той, за которую трудились японцы (меньше на 60-70%). Несмотря на эти трудности, число корейцев в Японии неуклонно растет. Для бедных корейцев занятость в Японии была предпочтительнее голода на родине (Weiner, M., 1989, с. 248).

В 1930-е годы начал формироваться предпринимательский класс корейского меньшинства в довоенной Японии. Некоторые корейцы достигли социально-экономического успеха и ассимилировались в японском обществе. Так, известен пример карьеры самого успешного корейского предпринимателя, а позже политика предвоенной Японии Пак Чунгүм, который в

отличие от подавляющего большинства корейцев, проживающих в Японии, «принял чувство идентификации с японцами» (Bayliss, J.P. 2008, с. 33-68).

Послевоенные трудности восстановления экономики сделали условия жизни корейцев в Японии еще более сложными. Возможности трудоустройства были ограниченными, уровень безработицы оставался высоким. Кроме того, чувство враждебности и предрассудков в отношении корейцев, которые были широко распространены в Японии в те дни, сделали практически невозможным для них получение рабочих мест в японских компаниях. Подавляющее большинство корейцев были либо безработными, либо занимались тяжелым физическим трудом. Пока тысячи японцев были безработными или оставались не полностью занятыми, для корейцев получить работу было практически невозможным. Репатриация миллионов демилитаризованных солдат (около 6,6 миллиона) в Японии усугубляла эту ситуацию. Корейцев даже увольняли с тем, чтобы на их места принять репатрированных японских солдат (Wagner, E.W., 1951, с. 64).

Начиная с 1945 года, в связи с возвращением японцев с военной службы корейское население стало терять свои позиции даже в таких малопривлекательных сферах занятости, как возделывание почвы, уборка улиц по ночам, мелкая торговля, незаконная торговля спиртным и сигаретами, свиноводство. Так корейцы зарекомендовали себя со стороны теневого бизнеса – торговля запрещенными товарами, азартные игры в нелегальных заведениях.

Ситуация оставалась такой и в 1950-е годы. Например, в 1950 году 79 % корейцев в Японии были безработными или батрачили (Carpio, M.E., Jia, Yu, 2009, с. 21-38]. Большинство корейцев были вынуждены жить в нищете, не имея постоянной работы, а занятые, как правило, трудились на грязной, низкооплачиваемой, не престижной работе на периферийном рынке труда (сборщики металлолома, уборщики мусора, поденщики, строительные рабочие, чернорабочие и т.д.).

Социально-экономическое положение корейцев начало улучшаться с 1960-х годов. Среди прочего, высокие темпы роста японской экономики создали большой спрос на рабочую силу и в этих условиях корейцы стали трудоустраиваться. Комбинированная доля профессионально-технических работников, руководителей и должностных лиц среди корейцев непрерывно увеличивалась в течение 1960-х и 1970-х годов

(с 2,6% в 1959 году до 6,5% в 1974 году) (Kim, В. 2008, 880). Статистика регистрации иностранцев с 1960 по 1975 годы свидетельствует, что доля квалифицированных работников или работников средней квалификации среди корейцев неуклонно растет, начиная с 1964 года, в то время как количество неквалифицированных рабочих сокращается.

Однако следует отметить, что дискриминация в отношении корейцев на рынке труда сохраняется. Опрос 389 крупных компаний, проведенный в июле 1971 г., свидетельствует о том, что около 80% опрошенных руководителей поддерживают дискриминационную практику найма, что косвенно свидетельствует о дискриминационном отношении к корейцам. В то же время, однако, также нельзя отрицать, что число корейцев, которые получили высокооплачиваемую работу в основных секторах экономики Японии, продолжает в этот период расти. По состоянию на 1974 г., около 20% занятых корейцев работали в офисах (Kim, В., 2011, с. 236).

Таким образом, в 1970-х годах социальное положение корейцев несколько улучшается. В ряде муниципалитетов Японии издается указ о праве иностранцев на государственное медицинское обслуживание, которое ранее было доступно только для японских граждан. Только в 1980-х годах для корейцев как для «резидентов» стали доступны результаты новых национальных реформ, касавшихся пособий по уходу за детьми, а также государственного жилья. Эти реформы проходили под лозунгом интернационализации политики и осуществлялись Министерством внутренних дел Японии (Kashiwazaki, С. 2009, с. 121-146).

Социально-экономическое положение и уровень жизни корейцев в Японии в этот период в целом улучшились. Социальная дискриминация, изоляция корейцев от основных сфер экономики, опора на индивидуальные социальные сети стали причинами формирования корейцами в Японии своей собственной экономической ниши, в которой не были заняты японцы. Так постепенно в корейской диаспоре Японии произошла экономическая дифференциация. Среди них выделяются наиболее состоятельные круги корейской диаспоры – владельцы пачинко. Эти уличные игровые автоматы в окрестностях рынков, появившиеся в Японии в период после 1940 годов, стали настоящим «этническим бизнесом». В 1980-1990-х годах отмечается расширение спроса на услуги подобного рода. Это стало одной из причин повышения экономического

статуса корейцев в Японии. Рост пачинко как «крупнейшей корейской этнической отрасли» был весьма заметным. В 1994 году оборот рынка пачинко был свыше 30 триллионов йен в год, что вдвое больше, чем у отечественного автопрома Японии за этот же период. В 2000 годах 70% всех игровых автоматов в Японии принадлежало этническим корейцам (Kim, В. 2008, с. 881).

Другая ниша корейского бизнеса – якинику, корейские барбекю-рестораны. Якинику, получившие широкую популярность в Японии, добились здесь значительного успеха (Susumu, N., 1996, с. 38-60). Строительный бум помог встать на ноги многим корейским бизнесменам, занятым в данной сфере (Kim, В., 2008, с. 882). Для корейского бизнеса были характерны предприятия розничной торговли сухими продуктами питания, ростовщические предприятия, а также синдаль – корейский бизнес по созданию дизайна и производства женской обуви. Зачастую синдаль-предприятия находились в Осаке, где и проживало большое количество корейцев.

В 1980-1990-е годы в Японии был проведен ряд реформ, позволивших корейцам работать в качестве почтальонов, профессиональных медсестер в государственных больницах, а также преподавателями в государственных школах (Kim, В., 2006, с. 66-67).

Данные исследований свидетельствуют и о том, что среди корейцев происходит «поляризация» в экономической нише. Например, доля профессиональных и технических работников среди работающих корейцев в период между 1990 и 2005 годами продолжает расти (с 6,3% до 10,1%), но за тот же период уровень безработицы среди представителей этноса увеличился с 6,1% до 11,4% (Kim, В., 2011, с. 240). Эти результаты косвенно свидетельствуют о том, что при одновременном повышении экономического статуса отдельных профессиональных слоев этнического общества, количество безработных корейцев, которые не могут трудоустроиться на японском рынке, все же растет.

В 1993 году 950 тысяч иностранных рабочих в Японии составляли около 1,5% от общей численности рабочей силы. Среди них 320 000 корейских рабочих – постоянных резидентов, которые жили в Японии в течение многих десятилетий. Отчасти из-за экономического спада, который начался в 1992 году, наблюдалось ограничение спроса на иностранную рабочую силу в Японии. Тем не менее, её сохраняющаяся нехватка в отраслях с низкой заработной платой поддерживала спрос на корейских рабочих как

на неквалифицированных (и часто нелегальных) иностранных работников (Okunishi, Y., 1995, с. 139-162).

В последние десятилетия Япония испытывает быстрое увеличение миграции иностранных граждан. Результатом стала новая государственная политика в целях содействия социальной интеграции вновь прибывших жителей. В новой политике предусмотрена политика поддержки иностранных граждан с целью дальнейшего привлечения иммигрантов, так как страна адаптируется к условиям рынка труда и надвигающегося демографического кризиса (Milly, D.J., 2014).

В связи с резким ростом численности иностранных резидентов с начала 1990-х годов социальная атмосфера для корейцев Японии начинала несколько видоизменяться. Одновременно с ростом международного движения по защите прав человека кабинет министров издает внутренний план действий в 1997 году, согласно которому корейцы как иностранцы были включены в качестве одной из девяти категорий социальных меньшинств, чьи проблемы прав человека заслуживают особого внимания. Одновременно изменялись некоторые социально-политические позиции корейцев. Так, в 2002 году единичные префектуры приняли постановление о предоставлении права голоса в референдуме иностранным гражданам, которые являются постоянными жителями. Такая политика «мультикультурализма» и интернационализации постепенно создавала новые условия для корейцев на фоне всего иностранного населения Японии. В 2000 году мэры тринадцати городов и населенных пунктов, главным образом в центральной части Японии, создали Gaikokujinshūjūtoshikaigi (Ассоциация города с большим числом иностранных резидентов) и опубликовали заявление о необходимости правовой и административной реформы для размещения проживающих в стране иностранцев в местных общинах (Kashiwazaki, S., 2009, с. 121-146). В то же время положение корейцев соответствовало статусу категории социальных меньшинств, а получить респектабельный статус в рамках японского национального сообщества было практически невозможным. Все это отражалось на социально-экономическом положении корейцев в Японии, и ситуация не имела перспектив к изменению в ближайшем будущем.

Социально-экономическое положение корейцев Казахстана

В период 1930-1960-х годов корейцы были заняты в основном в сельском хозяйстве. Изначально они занимали основную нишу в расте-

ниеводстве, особенно в выращивании риса. Исходя из казахстанских природно-климатических условий и опыта, исторически сложились два обособленных района рисосеяния: низовье реки Сыр-Дарья в Кызыл-Ординской и Чимкентской областях и в бассейне рек Каратал, Или, Тентек и др. в Алма-Атинской и Талды-Курганской областях (Ким Г.Н., Мен Д.В., 1995, с. 126-127). Кроме того, традиционным занятием для корейцев повсеместно считалось огородничество и бахчеводство. Они выращивали капусту, сою, лук, чеснок, огурцы, бахчевые. Традиционный семейный подряд, носящий сезонный характер, имел широкую географию, зачастую выходящую за пределы Казахстана. Трудность такой деятельности заключалась и в том, что она носила нелегальный характер. Однако сезонная работа приносила значительный и стабильный доход.

Уже во второй половине 1960-х годов корейцы были охвачены процессом внутренних миграций из села в город. Это постепенно приводило к изменениям в социальной структуре корейского общества. Еще в 1950-е годы корейцы были задействованы в промышленных отраслях экономики Казахстана: промышленные артели, районные промкомбинаты зачастую были известны как «корейские», в силу численного превосходства в некоторых из них корейцев в качестве работников. Так, известны корейские артели «Резинщик» в Талды-Курганской области, «Дальневосточный» в Чимкенте, «Красная Звезда» в Кызыл-Орде, «Металлоремонт» в Джамбуле и др. (Ким Г.Н., Мен Д.В., 1995, с. 142).

В 1970-е годы развитие кооперативного движения увеличило степень участия корейского населения в фабрично-заводском производстве. Показательны результаты переписи населения 1970 г. в Кызыл-Ординской области: из общего числа корейцев – 4 206 человек, занятых в различных сферах жизнедеятельности, можно определить примерную картину занятости. Руководители предприятий – 3,35%, инженерно-технические работники – 12,22%, агрономы, зоотехники, ветеринары – 0,71%, работники литературы и печати – 0,73%, культпросветработники – 0,99%, работники сферы искусства – 0,62%, работники связи – 1,07%, работники торговли и общепита – 2,71%, химики – 0,05%, текстильщики – 0,33%, швейники – 6,66%, сельхозработники – 4,83%, медработники – 5,14%, научные работники, педагоги – 8,44%, работники планирования и учета – 11,03%, занятые в машиностроении и металлообработке – 8,70%,

занятые на лесозаготовках и деревообработках – 0,57%, бумажники и картонажники – 0,26%, занятые в пищевой промышленности – 0,40%, строители – 3,21%, железнодорожники – 0,38%. Не указали профессию – 43,17% (Ким Г.Н., Мен Д.В., 1995, с. 146-147). Социально-экономические позиции корейцев были достаточно высокими, многие из них были отмечены как добившиеся процветания, несмотря на трудности в период депортации (Buchkin, A., 1990, с. 15-31). В результате такого рассмотрения можно с большей долей вероятности утверждать, что сложный адаптационный период корейцев в Казахстане уже завершился. К 1970-м годам корейцы были заняты практически во всех сферах жизнедеятельности общества, оставаясь при этом преимущественно в аграрном секторе экономики.

В отношении корейской диаспоры материалы последней Всесоюзной переписи населения по Казахской ССР 1989 года демонстрируют высокий уровень образования корейцев, достигнутый в советский период. В возрастной когорте от 16 до 29 лет на каждую тысячу корейцев приходилось 138 с высшим образованием (средний показатель по всему населению КазССР – 69), 68 – с незаконченным высшим (по КазССР – 34), 196 – со средним специальным (по КазССР – 203), 442 – со средним общим (по КазССР – 508), 148 – с неполным средним (по КазССР – 175) и только 4 – с начальным (по КазССР – 7) и 4 – без начального образования. Уровень образования на каждую тысячу занятых корейцев: 285 человек с высшим (по всему населению КазССР – 131), 24 – с незаконченным высшим (по КазССР – 14), 260 – со средним специальным (по КазССР – 234), 304 – со средним общим (по КазССР – 400), 86 – с неполным средним (по КазССР – 147), 32 – начальным (по КазССР – 62) и 7 – без начального образования (по КазССР – 12) (Пак А.Д., 1992, с. 161).

Соответственно высокий уровень образования позволял корейцам занимать позиции почти во всех отраслях жизнедеятельности. Корейцы были в числе административно-управленческого состава и партийных работников. В эти годы был сформирован широкий слой научно-технической интеллигенции. Политически лояльные, высокообразованные, ответственные и дисциплинированные корейцы отлично зарекомендовали себя в многонациональном составе советского Казахстана, что позволило им добиться значительных социальных позиций и экономических результатов.

В условиях дезинтеграции Советского Союза и последующего «парада суверенитетов» корейской диаспоре в Казахстане в 1990-е годы были присущи следующие черты: довольно высокий экономический и социальный статус, отсутствие политики репатриации со стороны Южной и Северной Кореи, установка представителей диаспоры на «прорастание» в Казахстане, политическая лояльность, слабое владение корейским языком и огромный положительный опыт межнационального общения. Казахстанская корейская диаспора имеет тесные культурные и экономические связи со своей исторической родиной. Созданы культурно-национальные центры, крупные общественные организации корейцев, есть профессиональный корейский театр, печатный орган, ведется радиовещание, открываются корейские школы.

Анализ социальной структуры корейского населения Казахстана имеет объективные трудности, заключающиеся в отсутствии какого-либо репрезентативного, систематизированного эмпирического материала, так как в государственных формах статистической отчетности корейцы попадали под графу «и другие», а специальных этносоциологических исследований на этот счет не проводилось. По данным переписи населения, 30% корейцев страны заняты в сфере экономики. Из числа занятых в целом по республике 8,3% – руководители всех уровней, данный показатель среди лиц корейской национальности – 17,3%. Специалисты высшей квалификации составили в целом по республике – 12,9%, аналогичный показатель среди корейцев – 18,4%. Процент неквалифицированных рабочих в целом по Республике Казахстан – 9,8; среди корейцев – 6,5%. Наибольшее число представителей диаспоры занято в сфере обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли – 17,5% и сельского хозяйства – 12,2%, в промышленности, строительстве, транспорте и связи – 7,6% (Пак А.Д. 1992, с. 48).

Предпринимательский и деловой успех постсоветских корейцев имел тенденцию поступательного развития. Основными причинами этого успеха исследователи видели в следующем. Во-первых, образование, профессиональный опыт и организаторские способности позволяют им занимать некоторые ниши в частном секторе экономики. Корейцев отличает работоспособность, целеустремленность, коммуникативные навыки, что является необходимым в построении деловых отношений. Во-вторых, на начальном этапе у корейцев было небольшое преимущество –

они обладали некоторым стартовым капиталом, накопленным в советское время, благодаря сезонной сельскохозяйственной деятельности. В-третьих, часть корейцев, которой удалось сохранить свои ведущие позиции в государственных учреждениях и других предприятиях, получила возможность участвовать в процессе приватизации этих предприятий. В-четвертых, установление дипломатических отношений с Южной Кореей, динамичное развитие экономических связей между двумя странами создали благоприятные условия для создания совместных компаний и партнерских отношений. В-пятых, корейцы, проживающие в больших городах, главным образом занимаются урбанизированными видами предпринимательства. Лишь небольшая часть представителей диаспоры занята в сельском хозяйстве. В-шестых, ряд корейцев имели возможность создавать и возглавлять большие компании, некоторые из них насчитывали несколько десятков тысяч рабочих (Kim, G., 2008).

Основная доля бизнеса этнических корейцев приходится на строительные и дистрибьюторские компании. В этих отраслях доминируют корейские фирмы. LG и Samsung Electronics лидируют на рынке электронной продукции Центральной Азии, также в регионе ведут бизнес 18 строительных компаний. Фирмы, принадлежащие этническим корейцам, первоначально становятся партнерами компаний из Кореи, приобретая ценный деловой опыт, помогая им в свою очередь закрепиться на казахстанском рынке. Число этнических корейцев, живущих в бедности, сокращается. В целом, корейцы представлены во всех сферах жизнедеятельности общества; они имеют высокий социальный статус, достойное образование и вносят немалый вклад в развитие экономики современного Казахстана.

Обсуждение

На взгляд автора, неодинаковое социально-экономическое положение представителей корейской диаспоры Японии и стран СНГ отражает различную степень этнической идентичности ее представителей. Стабильное экономическое положение, высокий уровень образования, возможность равноправного расширения возможностей личностного и профессионального развития, роль деятельности общественных корейских организаций, наличие высокообразованного культурного сектора в странах СНГ на примере Казахстана позволяют сохранить и высоко под-

держивать этническую идентичность корейцев. В противовес этой ситуации, а также в качестве закономерного развития событий вследствие правового статуса корейцев Японии, их социально-экономической незащищенности и существующих факторов дискриминации, уровень этнической идентичности корейцев в Японии значительно ниже, чем в других странах в целом, и в Казахстане, в частности.

Диаспора как социальная общность, не имеющая своей государственности, вынуждена самостоятельно выживать, приспособляясь к условиям государства-реципиента, испытывая, с одной стороны, влияние иноэтнической среды, с другой – воздействие глобализационных процессов.

Корейцы Казахстана на всем протяжении своего проживания в республике также испытывают воздействие иноэтнического окружения. Однако корейская диаспора не растворилась в национальном государстве, хотя ее культура сильно изменилась и уже существенно отличается от культуры исторической родины. При этом изменение этнокультурной идентичности этноса является процессом, имеющим объективную и субъективную стороны. Объективные процессы развития этничности представлены самим ходом исторического процесса.

Одним из новых направлений в корееведении являлся вопрос об этническом самосознании корейцев. М.М. Хан (Хан М.М., 1996, с. 35-60), Г.Н. Ким [Ким Г.Н., 2000, с. 7-9], И.Г. Югай [Югай И.Г., 1993, с. 25-31).

Корейцы Узбекистана

Вопрос об этнической идентификации корейцев Узбекистана ставился в разрезе трех вариантов ее развития. На сегодняшний день корейцы Узбекистана являются основными акторами миграции в Южную Корею, возможно, как следствие поиска своей этнической идентичности в том числе. Существует точка зрения, что есть четыре варианта развития событий. Первый вариант – это приобщение к культуре исторической родины. На это указывает высокое стремление определенной части корейцев Узбекистана, особенно молодого поколения, обучаться корейскому языку и в целом, большой интерес к культуре Кореи. Сегодня корейцы имеют возможность посетить историческую родину по работе, образовательным и другим программам. На перспективность выбора данного варианта косвенно указывают межнациональные браки корейцев Узбекистана с южнокорейцами. Второй вариант видится в сохранении твердой основы русской

системы культурных ценностей. Для большинства корейцев Узбекистана родным продолжает оставаться русский язык. Они смотрят российское телевидение, читают русскоязычную литературу и т. д., поэтому идентификация с русской культурой остается преобладающей. Третий вариант заключается в ассимиляции к условиям узбекской культурной среды. Сегодня этому способствуют тесные контакты корейцев с представителями титульной нации в ходе дисперсного проживания в районах с преобладающим узбекским населением. Но высокая доля атеизации корейцев и практическое отсутствие среди них приверженцев ислама способно замедлять процесс их ассимиляции в узбекской культурной среде. Четвертый вариант заключается в выборе смешанной идентичности, включающей в себя сразу три компонента. Под этим подразумевается сохранение основной русской культурной основы (русский язык – родной), частичная ассимиляция в узбекском обществе через переход на узбекский язык в качестве второго разговорного. При этом предполагается дальнейшее развитие навыков корейского языка, адаптация некоторых традиционных культурных элементов Кореи в повседневной жизни корейцев Узбекистана (Тен М.Д., 2011, с. 39).

Корейцы России

Во-первых, молодое поколение российских корейцев в целом достаточно адаптировано в современной среде их проживания, поскольку они все или почти все являются рожденными и выросшими в России, или происходят из семей недавних переселенцев из стран СНГ. При этом, четко осознавая свою этническую принадлежность, они утратили многие компоненты корейской культуры в частности, корейский язык. Их идентификация строится на генетическом происхождении и, прежде всего, социализации в рамках семьи. Во-вторых, сложности исторических судеб корейцев в России и СССР, особенности процессов, связанных с распадом СССР, привели к формированию специфической иерархии идентичностей у корейской молодежи, в которой ведущие места принадлежат ориентации на семью и будущую или настоящую профессию как главные опоры в жизни (Волкова Т.В., 2004, с. 27-42).

Этническая идентичность как осознание принадлежности к корейской этносоциальной общности имеет большое значение для новой корейской диаспоры, образующейся на территории Нижнего Поволжья: в общей сложности 64% опрошенных признают национальную при-

надлежность как высшую ценность, значение которой в наше время возрастает. Поколение 45-55-летних, родившихся в условиях этнической мобилизации, когда уже не Приморье оказалось родиной для новых поколений, являют пример наиболее этнически ориентированных: национальность – высшая ценность для 67% из них. В ситуации межэтнического общения более полно осознается собственная этническая принадлежность. Среди опрошенных корейцев 78% заявили, что гордятся своей национальностью, что указывает на отсутствие комплекса этнической неполноценности при наличии высокого уровня достигнутой социокультурной интеграции (Ким И.А., 2011, с. 105-121).

Корейцы Казахстана

У корейцев Казахстана этническая картина несколько отличается от инварианта культурной традиции материнского этноса и этнодисперсных групп, правомерно утверждать, что неизменными остаются этнические константы (культурные ценности, верования), позволяющие им сохранять сильную этническую идентичность (Цай Е.Н., 2008). Занявшие свою нишу в советской экономике и снявшие с себя ярлык врагов, который привел их общину в Среднюю Азию, корейцы кажутся стремящимися занять 'второе место среди равных' и приспособиться к новой действительности казахов, доминирующих в Казахстане (Динер А., 2000). Казахстанские корейцы как малая этническая группа – это различное внутри, динамическое сообщество, тогда как для внешнего взгляда оно видится как интегрированное, гомогенное и спокойное. Исследование показывает подвижную идентичность и слабость границ, повторяющих установление и подрыв этих границ между подгруппами через возвеличение гетерогенности в специфическом контексте и усиление гомогенности в другом контексте. Оно порывает с устоявшимися дискуссиями о казахстанских корейцах как центрированных на степени принадлежности этничности и адаптации к обществу их проживания (Мионг Сунок, 2000).

Развивая тему этнического самосознания, В.С. Хан впервые поднял тему этнокультурной идентичности корёсарам (Хан В.С., 2003, с. 69-76). Этническая идентичность означает осознание индивидом своей принадлежности к этносу. На изменение этнической идентичности важное влияние оказывает среда, в которой пребывает диаспора. Также нужно учитывать культурные условия, в которых развивается диаспора. Здесь можно выделить два типа диаспор. Первый тип

диаспоры развивается в культурных условиях, близких к условиям материнского этноса, в то время как второй тип развивается в культурных условиях, отличных от условий материнского этноса. Корейцы в Японии и в Казахстане развиваются в культурных условиях, которые сильно отличаются от культуры их исторической родины.

Для корейцев Казахстана происходят следующие события. Вместо корейской традиционной антропоники в среде корейцев, особенно у молодого поколения, стала преобладать русская форма имени. К 1970-м годам произошел полный переход от корейской формы имени к русской, когда корейцы называли своих детей только европейскими именами. Важным аспектом повседневной жизни советских корейцев является форма семейно-брачных отношений, обозначенная как отдельный маркер гражданской идентичности. Существенным показателем степени инкультурации корейцев в инокультурную среду является тенденция роста межнациональных браков. Что касается системы образования и языковой идентичности, то в ходе депортации образование на корейском языке было передислоцировано из ДВК в места вселения. Однако довольно скоро национальные школы были преобразованы в школы обычного типа, а затем переведены на русский язык обучения. Доминирование русского языка вытесняло необходимость владения корейским языком для казахстанских корейцев.

Другой проблемой корейской диаспоры стало изменение и постепенное исчезновение важного маркера этнокультурной идентичности – корейских традиций и обычаев. На упрощение традиционной обрядности большое влияние оказывала урбанизация. Мощный импульс к пробуждению интереса народов к своему историческому прошлому дала «перестройка». В это время возникает такое понятие, как «возрождение» культуры советских народов, их языка, традиций, истории. Однако этот процесс значительно замедлился уже в середине 1990-х годов.

Корейцы Японии

В 1979 году была ратифицирована Международная конвенция о правах человека. Япония присоединяется к Конвенции ООН о статусе беженцев от 1951 года в 1981 году, а в 1982 акцептует Протокол о статусе беженцев от 1967 года. С 1 января 1982 года вступил в силу Акт об иммиграционном контроле и идентификации беженцев, пересмотренный в 1989 году. В нем была пересмотрена система предоставления ста-

тусов иностранцам с тем, чтобы облегчить въезд в страну специалистам и ограничить въезд неквалифицированным работникам.

С 1980-х годов началась либерализация зарубежных поездок для граждан Южной Кореи; так страну окатила волна так называемых «новичков» из Южной Кореи. Закон о регистрации иностранцев в 1993 году определял иммиграционную политику Японии, когда кратковременные посетители получают «специальное разрешение на высадку». Эти разрешения даются для экскурсий по местности, на случай чрезвычайных обстоятельств, для убежища и т. п. В 2000 году «специальное разрешение» получили 2 110 000 иностранцев.

Необходимо признать и тот факт, что с ратификацией японским правительством межгосударственных соглашений по гуманитарным правилам и юридическому статусу политических эмигрантов и беженцев корейцы в Японии получили дополнительные права: пособие для детей, общественное жилье и кредиты. Дискриминация смягчилась после судебного процесса над компанией Hitachi в 1970 году. Кореец Пак Чонсок, успешно сдавший вступительный экзамен по трудоустройству в компанию по производству бытовой техники Hitachi, не был принят на работу. Он подал судебный иск, который был выигран через 3 года, благодаря поддержке Кореи и США, что стало большим шоком для японского общества. Этот случай стал предпосылкой для получения корейским населением детских льгот и права получения кооперативных квартир. На сегодняшний день японские корейцы борются за предоставление избирательных прав в префектурах (Куротченко К., 2012).

Более того, современные СМИ свидетельствуют о том, что «корейцы в Японии призывают ООН обратить внимание на нарушение их прав, дискриминацию и угрозы физической расправы». Об этом заявили в марте 2003 года иностранным журналистам в Токио представители правозащитных организаций корейских граждан в Японии. Поводом для их обращения стало решение японского правительства предоставить право на поступление в государственные университеты выпускникам только тех иностранных школ в Японии, в которых преподавание ведется на английском языке. Корейские и китайские школы под эту категорию не попадают, и путь в престижные учебные заведения для их выпускников был закрыт (Корейцы в Японии, 2003). К этой формальной дискриминации добавляется и неформальная. До недавнего времени корей-

цам было практически невозможно поступить на работу в крупную компанию и уж тем более сделать там карьеру. Такая дискриминация проявлялась и в личных отношениях. И сейчас большинство японских семей решительно против того, чтобы их дочери выходили замуж за корейцев, а сыновья – женились на кореянках.

В этих условиях стоит признать тот факт, что процесс натурализации корейской диаспоры в Японии не отражает ни сам факт приобретения гражданства в его подлинном смысле, ни какую-либо степень интегрированности иммигранта в социум, что считается обязательным условием натурализации. С течением времени увеличивалось количество корейцев, желающих и способных натурализоваться. Условия натурализации требовали следовать шестнадцати различным документам, среди условий выставлялись – отсутствие криминальных фактов в личном реестре, регистрационные протоколы, местопребывание в Японии свыше 10 лет, принятие нового японского имени, вместо оригинального корейского имени и одобрение министра юстиции. В 1952 г. в Японии натурализовались 232 корейца, в 1955 г. – 2 434 корейца, в 1960 г. – 3 763, 1965 г. – 3 438, 1970 г. – 4 646, 1975 г. – 6 323 корейца (Lee, K., 2000, с. 54).

«Новым японцам» не было дано право называться японцами. Статус «новых японцев» исчезал только через три поколения. Причины нерешительности к натурализации корейцев в том, что им не гарантировали быть одинаковыми с японцами, они изолировались от обоих – и японцев, и корейцев, последние обвиняли их в

предательстве. Чувство предательства давало натурализовавшимся корейцам двусмысленный статус. К 1980 г. корейские резиденты, рожденные в Японии, в количественном отношении были доминирующими по отношению к корейцам, рожденным в Корее (Ryang, S., 2000, с. 5). Здесь стали срабатывать элементы длительного проживания и путь культурной адаптации представителей второго поколения корейцев в Японии. Они говорили на родном японском языке, посещали японские школы, смотрели японские телепередачи и фильмы, во многих случаях работали на японских фирмах. В результате первичная культурная идентичность для многих стала идентичностью японцев. В этой обстановке больше не доминировала политика первого поколения, ориентированная на родину.

Выводы

Существует ли взаимосвязь роли социально-экономического фактора в сохранении этнической идентичности корейцев в Японии и странах СНГ или нет? В данной работе поставлен вопрос о необходимости разработки данной проблемы. На взгляд автора, существует закономерность, когда принадлежностью к тому или иному этносу хочется гордиться, а когда хочется «промолчать». Наличие высоких социальных позиций, достижений отдельных представителей корейского этноса в многокультурном Казахстане или моноэтнической Японии имеет определенную связь с этнической идентичностью.

Литература

- 1 Lee, Kwang-kyu. (2000). Overseas Koreans. – Seoul, 260.
- 2 Weiner, M. (1989). The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1925. New Jersey, 248.
- 3 Ryang, S. (2000). The North Korean Homeland of Koreans in Japan. Koreans in Japan. Critical Voices from the Margin edited by Ryang, Sonia. – London: Routledge, 32-54.
- 4 Kashiwazaki, C. (2009) The Foreigner Category for Koreans in Japan Opportunities and Constraints. In: *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Edited by Sonia Ryang and John Lie. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 121-146.
- 5 Kim, B. (2011). Changes in the Socio-economic Position of Zainichi Koreans: A Historical Overview. Survey Article // *Social Science Japan Journal*. 4 (2), 233–245.
- 6 Weiner, M. (1989). The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1925 // *Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey*, 248.
- 7 Bayliss, J.P. (2008). Minority Success, Assimilation, and Identity in Prewar Japan: Pak Chungŭm and the Korean Middle Class // *Journal of Japanese Studies*, 34 (1), 33-68.
- 8 Wagner, E.W. (1951) *The Korean Minority in Japan: 1904-1950*. – New York: Institute of Pacific Relations, 108.
- 9 Caprio, M.E. and Jia, Yu. (2009) Occupations of Korea and Japan and the Origins of the Korean Diaspora in Japan // *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Edited by Sonia Ryang and John Lie. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 21-38.
- 10 Kim, B. (2008). Bringing Class Back In: The Changing Basis of Inequality and the Korean Minority in Japan // *Ethnic and Racial Studies*. 31 (5), 871-898

- 11 Kashiwazaki, C. (2009). The Foreigner Category for Koreans in Japan Opportunities and Constraints. In: *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Edited by Sonia Ryang and John Lie. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 21-146/
- 12 Susumu, N. (1996) *Korian Sekai no Tabi (Travel into the World of the Koreans)*. – Tokyo: Kodansha, 38-60
- 13 Kim, B. (2006). From Exclusion to Inclusion? The Legal Treatment of “Foreigners” in Contemporary Japan. *Immigrants and Minorities*. 24 (1), 66-67
- 14 Okunishi, Y. (1995) *Japan. ASEAN Economic Bulletin*. 12 (2), 139-162
- 15 Milly, D.J. (2014) *New Policies for New Residents Immigrants, Advocacy, and Governance in Japan and Beyond*. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt5hh1jq>
- 16 Ким Г.Н., Мен Д.В. (1995) *История и культура корейцев Казахстана*. – Алматы: Гылым, 346.
- 17 Buchkin, A. (1990). Koreans under Communism // *International Journal on World Peace*. 7 (4), 15-31
- 18 Пак А.Д. (1992). Демографическая характеристика корейцев Казахстана. In: *Советские корейцы Казахстана (энциклопедический справочник)*. – Алма-Ата, 154-162
- 19 Kim, G. (2008) *Ethnic Entrepreneurship among Koreans in the Soviet Union and the modern Central Asia*. The Research Project granted by Asia Forum of POSCO TJ Park Foundation (Agreement № 080324 between POSCO TJ Park Foundation and Kazakh National University, April 7, 2008 // http://www.postf.org/eng/others/pds_a_list.jsp). Дата обращения: 15.06.2012
- 20 Хан М.М. (1996). Язык и этническое самосознание корейцев Казахстана / *Кунсткамера: этнографические тетради*. – СПб.: Петербургское востоковедение. – 10. – С. 35-60.
- 21 Ким Г.Н. (2000) О структуре и содержании этнического самосознания корейской диаспоры Казахстана // *Этническое самосознание зарубежной корейской диаспоры. Традиция и трансформация: Материалы международного научного семинара, посвященного 10-летию Ассоциации корейцев Казахстана 1-3 июня, 2000, Алматы, 7-9*.
- 22 Югай И.Г. (1993) Об этнической идентификации советских корейцев (по материалам конкретно-социологического исследования) // *Известия корееведения в Казахстане и Центральной Азии*. – Алматы, 4, 25-31.
- 23 Тен М.Д. (2011) *Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана*. – Ташкент, 213.
- 24 Волкова Т.В. (2004) *Российские корейцы. К вопросу о самоидентификации* // *Этнографическое обозрение*, 4, 27-42
- 25 Ким И.А. (2011) *Процессы этносоциальной идентификации корейского населения Нижнего Поволжья*. – Волгоград, 105-121
- 26 Цай Е.Н. (2008). К проблеме трансформации этнической идентичности корейцев в условиях Казахстана // http://www.rusnauka.com/27_NII_2008/Istoria/33720.doc.htm
- 27 Динер А. (2010) *Казахстанские корейцы и немцы: компаративистское исследование «принадлежности»* // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/sss.shtml
- 28 Мионг Сунок (2013) *Политики идентичности казахстанских корейцев (Культурно-антропологическое исследование)* // www.kaznu.kz/content/files/pages/.../Мионг%20Сун%20ок..pdf
- 29 Хан В.С. (2003) К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана / *История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана: Материалы междунар. науч. конф.* – Бишкек, 69-76.
- 30 Куротченко К. (2012) Япония: взгляд со стороны // www.fogum.arsasiatica.com/viewtopic.php 31 *Корейцы в Японии просят защиты в ООН, 11 марта 2003* // Информация предоставлена сервером «РИА Новости» www.46info.ru/media/ria/?id=21956 Дата обращения: 12.06.2012
- 32 *Koreans in Japan. Critical Voices from the Margin* edited by Ryang, Sonia. – London: Routledge, 2000. – 240 p.

References

- 1 Lee, Kwang-kyu. (2000). *Overseas Koreans*. – Seoul, 260.
- 2 Weiner, M. (1989). *The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1925*. New Jersey, 248.
- 3 Ryang, S. (2000). *The North Korean Homeland of Koreans in Japan*. *Koreans in Japan. Critical Voices from the Margin* edited by Ryang, Sonia. – London: Routledge, 32-54.
- 4 Kashiwazaki, C. (2009) *The Foreigner Category for Koreans in Japan Opportunities and Constraints*. In: *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Edited by Sonia Ryang and John Lie. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 121-146
- 5 Kim, B. (2011). Changes in the Socio-economic Position of Zainichi Koreans: A Historical Overview. *Survey Article. Social Science Japan Journal*. 4 (2), 233–245
- 6 Weiner, M. (1989). *The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1925*. – Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 248.
- 7 Bayliss, J.P. (2008). Minority Success, Assimilation, and Identity in Prewar Japan: Pak Chungūm and the Korean Middle Class. *Journal of Japanese Studies*, 34 (1), 33-68
- 8 Wagner, E.W. (1951) *The Korean Minority in Japan: 1904-1950*. New York: Institute of Pacific Relations, 108.
- 9 Caprio, M.E. and Jia, Yu. (2009) *Occupations of Korea and Japan and the Origins of the Korean Diaspora in Japan* // *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Edited by Sonia Ryang and John Lie. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 21-38.
- 10 Kim, B. (2008). Bringing Class Back In: The Changing Basis of Inequality and the Korean Minority in Japan. *Ethnic and Racial Studies*. 31 (5), 871-898

- 11 Kashiwazaki, C. (2009). The Foreigner Category for Koreans in Japan Opportunities and Constraints. In: *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Edited by Sonia Ryang and John Lie. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 21-146/
- 12 Susumu, N. (1996) *KorianSekai no Tabi* (Travel into the World of the Koreans). Tokyo: Kodansha, 38-60
- 13 Kim, B. (2006). From Exclusion to Inclusion? The Legal Treatment of “Foreigners” in Contemporary Japan. *Immigrants and Minorities*. 24 (1), 66-67
- 14 Okunishi, Y. (1995) *Japan. ASEAN Economic Bulletin*. 12 (2), 139-162
- 15 Milly, D.J. (2014) *New Policies for New Residents Immigrants, Advocacy, and Governance in Japan and Beyond*. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt5hh1jq>
- 16 Kim G.N., Men D.V. (1995) *Istoriya i kultura koreytssev Kazahstana* [History and culture of Koreans in Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 346.
- 17 Buchkin, A. (1990). Koreans under Communism. *International Journal on World Peace*. 7 (4), 15-31
- 18 Pack A.D. (1992). Demograficheskaya harakteristika koreytssev Kazahstana [Demographic characteristics of Koreans in Kazakhstan]. In: *SovetskieskoreytsyiKazahstana (entsiklopedicheskiyspravochnik)*, Alma-Ata, 154-162
- 19 Kim, G. (2008) *Ethnic Entrepreneurship among Koreans in the Soviet Union and the modern Central Asia*. The Research Project granted by Asia Forum of POSCO TJ Park Foundation (Agreement № 080324 between POSCO TJ Park Foundation and Kazakh National University, April 7, 2008 // http://www.postf.org/eng/others/pds_a_list.jsp).
- 20 Han M.M. (1996). YazykietnicheskoesamosoznaniekoreytssevKazahstana [The language and ethnic self-awareness of Koreans in Kazakhstan] In: *Kunstkamera: etnograficheskietradi*. – Spb.: Peterburgskoevostokovedenie, 10, 35-60.
- 21 Kim G.N. (2000) O struktureisoderzhaniietnicheskogosamosoznaniyakoreyskoydiasporyiKazahstana. [On the structure and content of the ethnic self-awareness of the Korean diaspora in Kazakhstan] In: *Etnicheskoesamosoznaniezarubezhnoykoreyskoydiasporyi. Traditsiyaitransformatsiya: Materialyimezhdunarodnogonauchnogoseminara, posvyaschennogo 10-letiyu AssotsiatsiikoreytssevKazahstana 1-3 June, 2000, Almaty, 7-9*.
- 22 Yugay I.G. (1993) Ob etnicheskoyidentifikatsiisovetskihkoreytssev (pomaterialamkonkretno-sotsiologicheskogoissledovaniya). [On the ethnic identification of Soviet Koreans (on the basis of concrete sociological research).] In: *Izvestiyakoreevedeniya v KazahstaneiTsentralnoyAzii*. – Almaty, 4, 25-31
- 23 Ten M.D. (2011) *Formirovanie, razvitiieittransformatsiyaetnokulturnoyidentichnostikoreytssevUzbekistana*. [Formation, development and transformation of ethnocultural identity of Koreans in Uzbekistan]. Tashkent, 213.
- 24 Volkova T.V. (2004) *Rossiyskiekoreytsyi. K voprosu o samoidentifikatsii*. [Russian Koreans. To the question of self-identification] *Etnograficheskoeobozrenie*, 4 27-42
- 25 Kim I.A (2011) *ProtsessyietnosotsialnoyidentifikatsiikoreyskogoseleniyaNizhnegoPovolzhya*. [Processes of ethnosocial identification of the Korean population of the Lower Volga region]. Volgograd, 105-121
- 26 Tsay E.N. (2008). K problemetransformatsiieitnicheskoyidentichnostikoreytssev v usloviyahKazahstana. [To the problem of transformation of ethnic identity of Koreans in Kazakhstan].// http://www.rusnauka.com/27_NII_2008/Istoria/33720.doc.htm
- 27 Diner A. (2010) *Kazahstanskieskoreytsyiinemtysi: komparativistskoeissledovanie «prinadlezhnosti»*. [Kazakhstani Koreans and Germans: a comparative study of «belonging»] http://world.lib.ru/k/kim_o_i/sss.shtml
- 28 Miong Sun ok (2013) *Politikiidentichnostikazahstanskieskoreytssev (kulturno-antropologicheskiesissledovaniya)*. [Identity Policies of Kazakhstani Koreans (Cultural-Anthropological Research)] // www.kaznu.kz/content/files/pages/.../Мионг%20Сун%20ок..pdf
- 29 Han V.S. (2003) *K voprosuobetnokulturnoyidentichnostikoreytssevUzbekistana*. [On the Ethno-Cultural Identity of Koreans of Uzbekistan] / *Istoriya, kulturaibytikoreytssevKazahstana, KyrgyzstanaiUzbekistana: Materialyimezhdunar. nauch. konf.* – Bishkek, 69-76.
- 30 Kurotchenko K. (2012) *Yaponiya: vzglyad so storonyi*. [Japan: a view from the outside] // www.forum.arsasiatica.com/viewtopic.php
- 31 *Koreytsyi v Yaponii prosyatschityi v OON, 11 marta 2003* // *Informatsiyapredostavlenaserverom «RIA Novosti»*. [Koreans in Japan ask for protection in the UN, March 11, 2003 // Information provided by the RIA Novosti server] // www.46info.ru/media/ria/?id=21956 Датаобращения: 12.06.2012
- 32 *Koreans in Japan. Critical Voices from the Margin* edited by Ryang, Sonia. – London: Routledge. – 2000. – 240p.